

Андрей Игоревич ДроzhжинНациональный исследовательский университет ИТМО,
заместитель директора Института дизайна и урбанистики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: drozhzhin@itmo.ru**Тварь я покрашенная или право имею? Граффити: право на город**

Аннотация. В статье поднимаются вопросы существования граффити как маркера права на город. Анализируется современное состояние дискурса, интерпретирующего надписи в городской среде. Предлагаются пути частичного решения проблемы.

Ключевые слова: граффити, надпись на стене, право на город.

Andrei I. DrozhzhinITMO National Research University,
Deputy Director of the Institute of the Design and Urban Studies, Saint Petersburg, Russia
e-mail: drozhzhin@itmo.ru**Am I a Painted over Creature or Do I Have the Right? Graffiti: The Right to the City**

Abstract. The article raises questions about the existence of graffiti as a marker of the right to the city. The current state of discourse interpreting inscriptions in the urban environment is analysed. Partial solutions to the problem are proposed.

Keywords: graffiti, writing on the wall, right to the city.

Введение (Introduction)

«Кому принадлежит город?» — вопрос, существующий столько же, сколько существуют города [1; 2]. Наиболее частыми ответами являются: горожанам и власти [3; 4]. Не будем погружаться в дискуссию, только отметим, что то, как город создают власти, всем известно. И дело даже не только в управлении городом, но, например, все знают, какие были художественные вкусы у предыдущего мэра Москвы Юрия Лужкова [5; 6]. А как в формировании городской среды могут поучаствовать горожане?

Несомненно, сейчас увеличивается популярность так называемых партиципаторных проектов, где горожан приглашают участвовать в локальном благоустройстве, хотя появились и более глобальные вещи, например участие жителей в разработке генерального плана г. Аннаполиса в Соединенных Штатах Америки (США) [7]. Однако, несмотря на рост количества подобных мероприятий, они остаются штучным товаром.

Иных регулярных акций или мероприятий с видимым глазу результатом в городе практически не происходит. Но горожане, конечно, не остаются незамеченными. Помимо протестных митингов против каких-либо решений сверху или, наоборот, бездействия властей, они пытаются самостоятельно преобразовывать городскую среду имеющимися

средствами. К таким проявлениям относятся субботники, благоустройство клумб у подъезда, в том числе «шинные лебеди», очистка столбов и стен от несанкционированной расклеенной рекламы и... надписей на стенах.

Разрисовывание и расписывание стен — самая противоречивая из возможных низовых акций, но имеют ли возможность горожане выразить свое право на город таким образом?

Методы (Methods)

При работе с проблемами городской среды сложно оставаться в рамках одной дисциплины, поэтому основой исследования стал междисциплинарный подход, с обращением в первую очередь к социально-гуманитарным наукам. Предлагается проанализировать «низовые граффити» через призму идей В. Дильтея [8], чтобы уйти от привычной оценки нормативно-правового и онтологического подходов и рассмотреть проблему в ее ценностном аспекте. Именно дильтеевское переживание может являться мерилom оценки авторов надписей и рисунков, будем для простоты называть их «художниками», а диалектические категории качества и меры позволят проанализировать явление с разных сторон. Заложенные «художниками» смыслы будут проанализированы в рамках семиотического подхода и в русле концепции права на город А. Лефевра.

Литературный обзор (Literature Review)

На данный момент сформировалось несколько подходов к определению такого явления городской среды, как граффити. Оно рассматривается с урбанистической и культурологической точек зрения как влияющее на среду обитания, как попытка найти ему место в человеческой жизни. Стоит отметить также попытки определения этого явления с точки зрения истории и даже лингвистики. Сформировавшиеся подходы можно в предельно широком смысле обозначить как художественный и социальный.

Предлагается рассмотреть оба, так как в каждом из них сокрыто значимое для исследования зерно. Художественный аспект представляет надписи на стене как народное искусство [9; 10; 11]. Среди работ этого направления можно отметить статьи Т. Крюссела и И. С. Кудряшова. Наиболее значимым является исследование Н. Мейлера [12], он был первым, кто предложил систематический подход к оценке художественности настенных надписей, сравнивая «художников» с протестными живописцами прошлого.

Социальный аспект предполагает изучение граффити и, прежде всего, такого явления, как тэги́рование, через призму коммуникации закрытого типа [13; 14; 15]. Р. Лахман предполагает развитие этой коммуникации при наличии запроса со стороны общества и возможностей со стороны «художника» [16].

Несколько особняком стоит Ж. Бодрийяр [17], определяющий граффити как вариант симулякра с одной стороны и подчеркивающий его символическую значимость в социальном пространстве с другой, как раз как инструмента борьбы с симулякрами же, но уже системными, навязанными свыше. Наиболее важным аспектом граффити, по его словам, является его территориализированность, через которую надписи наполняют городскую среду смыслом.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Город есть синоним цивилизации [18; 19; 20]. Следовательно, всё, что происходит в городе, является плодом человеческого гения. И граффити тоже своеобразные летописи человеческой истории. Известны примеры надписей в Египте, Месопотамии, средневековых городах Китая и Руси, эпохи Возрождения [21]. С XVII в. характер надписей становится преимущественно революционным, и на протяжении прошедших четырех веков именно такие «художества» становятся предметом исследования ученых. Собственно художественного в них отмечалось немного, главным был смысл, нередко зашифрованный (например, фамилию ведущего итальянского композитора XIX в. Джузеппе Верди неокарбонарии превращали в аббревиатуру: V.E.R.D.I — Vittorio Emanuele Re D'Italia, «Виктор Эммануил, король Италии»), главный лозунг против австрийского владычества) [22]. Однако много жителей планеты были неграмотными, поэтому большая часть граффити не содержала текста.

Такие протестные надписи можно рассматривать двояко. С одной стороны, как политический протест, чем они, безусловно, являлись в первую очередь. С другой — как требования быть услышанным в городе, заточенным в более-менее жесткие рамки планирования, зарегулированном пространстве, где каждый человек — винтик систе-

мы, должный выполнять свои функции и не дающий сбоев. Таким образом, надписи — более сложная реакция, нежели просто выражение несогласия с политикой правительства [17, с. 160]. По сути, такие жесты являются чуть ли не первыми проявлениями постмодерна через отрицание навязываемых правил, отказ от капиталистических постулатов и первые пробы голоса свободы [3; 23].

Тем интереснее наблюдать развитие граффити уже как полноценной субкультуры в США 1960-х гг. Получив в наследство классическую базу: стихийность, повсеместность, протестность, американские «художники» превратили надпись в художественный жест. Теперь даже за самым примитивным тегом стоит определенный культурный посыл. Противосистемность при этом зачастую утрачивается, однако само появление надписей осталось заявлением о том, что город принадлежит горожанам.

В американском подходе стоит отметить еще один момент: некоторые мастера превращают надписи в подлинные шедевры. И здесь мы неизбежно приходим к вопросу о культурной ценности. Обычно при разговоре с представителями органов власти относительно сохранности любых объектов стрит-арта выходят на первый план два вопроса: кто может определить художественную ценность того или иного объекта и кто будет поддерживать рисунок или надпись в приличном состоянии? Второй вопрос оставим за скобками, так как это уже проявление того самого права власти на город, о котором было сказано в начале статьи, однако первый достаточно интересен. Помимо своего «месседжа», подобные объекты могут быть признаны как художественно, так и — в меньшей степени — социально значимыми. Есть множество прецедентов, самый известный в России — это, конечно, стена Цоя. Признание таких объектов значимыми — важный шаг на пути к установлению диалога между властью и горожанами.

Отдельно стоит сказать о граффити, не носящих протестный характер, но явно придающих окружающему миру некую системность, при этом носящую низовой характер. Хорошим примером могут послужить «лошади Васильевского острова» в Санкт-Петербурге. Васильевский остров, безусловно, обладает ярко выраженной идентичностью, сформированной в основном за счет географических рубежей (он отделен двумя рукавами Невы от остального города) и богатой историей. Однако последние знаковые, так сказать, позитивные объекты появились в конце 1980-х гг. Поэтому жители взяли ситуацию в свои руки. Пять лет условно анонимный художник рисует длинноногих лошадей с большими глазами в разных уголках района. Сам он оправдывает это желанием как раз привнести позитивные элементы в городскую среду [24]. Лошади уже стали новым неофициальным символом острова. В новых городских аттракторах даже приглашали художника сделать еще одну работу в том же стиле. Однако власти предпочитают закрашивать несанкционированные «произведения искусства». Вопрос художественной, социальной и символической значимости подобных граффити остается открытым.

Кроме того, стоит не забывать о людях, которые живут в этих же домах, кварталах и вынуждены видеть надписи и рисунки на стенах, появившиеся у их собственных подъез-

дов и нанесенные не их рукой. Рассматривать эти аспекты можно с двух ракурсов. С одной стороны, это чистой воды вандализм, т. е. здесь вступают в действие право власти на город и установленные ей правила. Нетерпимость к граффити воспитывается с детства: некрасиво писать что-то на заборе. С другой стороны, горожане могут не разделять посылы, заложенные в надписи. Можно также добавить, что типичное тегирование и не несет в себе никакого сообщения, кроме «Киса и Ося здесь были». Таким образом, обычная надпись, направленная условно для подтверждения права горожан на город, оказывается яблоком раздора среди самих же горожан. Негативная коннотация даже самого существования такой надписи, не говоря уже о смыслах, легко считывается не только властями, но и другими жителями города. «Художники», таким образом, остаются в меньшинстве.

Тут мы возвращаемся к тому, почему надписи и рисунки появляются. И. Поносов предлагает в своей книге формулировку «уличные интервенции» как «намерение найти место человека в урбанизированном пространстве и попытаться мимикрировать под него» [25, с. 122]. Цель подобных интервенций — не создать некую субкультуру, но высказать свои мысли, прокомментировать происходящее максимально открыто.

Чаще всего протестные граффити появляются в местах, через которые проходит множество людей, рядом с крупными точками притяжения, но несколько вдалеке от них [26]. В самих точках притяжения обычно достаточное внимание уделяется порядку, поэтому граффити оперативно закрашиваются. Этого нельзя сказать о среде вокруг таких точек, чаще всего стоящей на городском балансе. Поэтому получается прекрасная возможность для надписи быть увиденной многими зрителями, но достаточно долгое время не быть уничтоженной. Вспоминается классическая «Теория разбитых окон», которую можно переформулировать следующим образом: если где-то долго не уничтожается появившаяся надпись, то скоро вся стена, если не квартал, будет исписан целиком. Соответственно, напрашивается первый, промежуточный вывод: там, где власть достаточно крепка, у горожан нет возможности выразить себя через граффити. И наоборот, почувствовав, что власть дала слабину, «художники» начинают творить с удвоенным рвением. Таким образом, граница права на город между властью и горожанами проходит по стене любого дома.

Остается вопрос: а правильно ли выражать свое право на город таким образом? Чего не хватает в других практиках? Неспроста же подобные надписи зачастую попадают под уголовный кодекс [27].

Логично предположить, что граффити несут на себе также отпечаток места, являются его своеобразным отражением [28]. У граффити должен быть зритель (читатель), поэтому они редко появляются в совсем непроходных местах. Наибо-

лее важные точки появления надписей находятся рядом с крупными общественными местами. При этом достаточно редко это уличные фасады, чаще граффити располагаются на внутренних стенах и по сторонам арок и проходов. Следовательно, «художники» хотят быть услышанными, но боятся полностью выйти из тени, — чаще всего это молодые люди с протестной активностью. Они есть в любом обществе, и попытка выразить себя через нелегальную деятельность для них является своеобразным подвигом.

Поэтому ряд городов решил «обуздать» активность и работать на опережение [17; 29; 30]. Город может легализовать часть стен для подобных надписей в качестве компромисса, официально объявить часть пространств открытыми для начинающих художников, чтобы стимулировать художественное выражение и минимизировать негативные социальные эффекты.

Такие решения являются залогом совместного права на город и вместе с легализацией значимых социальных объектов, по сути, единственными возможными решениями сосуществования в настоящее время.

Заключение (Conclusion)

Граффити является сложным феноменом, своеобразной точкой соприкосновения провластных и протестных взглядов, важным маркером городских настроений, независимым от политических пристрастий. Возможность высказаться должна быть у каждого человека, каким бы сомнительным не было его высказывание. Однако всё должно оставаться в рамках законодательства.

Поэтому решение ряда городов о частичной легализации надписей может рассматриваться как поиск компромисса. Правда, стоит отметить, что если для «художников», ориентированных больше на культурную составляющую, подобные решения вызывают почти однозначный восторг, то протестно настроенными граффитистами это решение трактуется как попытка загнать их в заранее заданные рамки. Очередного «Гайд-парка» не случится, так как для них важна именно свобода творчества, спонтанность размещения и отсутствие границ, поэтому протестные граффити будут жить, пока есть город.

Как писала Д. Джекобс, «в городах прекрасна стихийность» [31, с. 253]. Несомненно, еще не одно поколение властей будет искать компромисс между запретами и возможностью легализации настенных надписей, осуществлять попытки обуздать естественное творчество и его стимулировать. Без низовых инициатив город вымирает [32], но и вседозволенность никогда не приводила ни к чему хорошему. Важно помнить, что в таких случаях можно утратить частичку души города, в какую бы сторону не качнулся маятник принимаемых решений.

1. Вебер М. История хозяйства. Город / пер. с нем. ; под ред. И. Гревса. М. : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 576 с.

2. Федоров В. В., Овчарова А. Ж. Феномен города: ценностно-смысловой аспект // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2012. № 2. С. 25–30.

3. Блинова О. А. Визуальный вандализм: маргинальная коммуникация в мегаполисе // Технологос. 2022. № 4. С. 88–99.

4. Ильиных С. А. Город как субъективная реальность и пространство социальных практик (на материалах исследований в г. Новосибирске) // Siberian Socium. 2017. Т. 1, № 2. С. 72–81.

5. Глазычев В. Л. Остров Татарстан // Московские новости. 2007. 26 янв. Электрон. версия. URL: http://www.glazychhev.ru/publications/articles/2007-01-26_ostrov_Tatarstan.htm (дата обращения: 04.05.2025).
6. Ревзин Г. Лучший Хеопс России // Коммерсантъ. № 163. Электрон. версия. URL: <https://web.archive.org/web/20140524045231/http://www.kommersant.ru/doc/225214> (дата обращения: 04.05.2025).
7. 2040 Comprehensive Plan // Annapolis : [site]. URL: <https://www.annapolis.gov/1446/2040-Comprehensive-Plan>* (дата обращения: 04.05.2025).
8. Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1 : Введение в науки о духе. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
9. Cresswell T. The Crucial 'Where' of Graffiti: A Geographical Analysis of Reactions to Graffiti in New York // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1992. Vol. 10, no. 3. P. 329–344.
10. Кудряшов И. С. Стрит-арт как феномен современной культуры: проблема генезиса и семиотические особенности сообщения // *Критика и семиотика*. 2014. № 2. С. 220–233.
11. Шустова Н. Л. Стены, которые говорят // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда*. Вестн. Рос. гос. худож.-пром. ун-та им. С. Г. Строганова. 2019. № 3–1. С. 116–127.
12. Mailer N. The Faith of Graffiti // *Esquire*. 1974. May 1. The electronic version of print. publ. URL: <https://classic.esquire.com/article/1974/5/1/the-faith-of-graffiti> (дата обращения: 30.04.2025).
13. Alonso A. Urban Graffiti on the City Landscape. 2014. The electronic version of print. publ. URL: <http://www.asu.edu/courses/aph294/total-readings/alonso%20-%20urbangraffiti.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).
14. Ley D., Cybriwsky R. Urban Graffiti as Territorial Markers // *Annals of the Association of American Geographers*. 1974. Vol. 64, no. 4. P. 491–505.
15. Valesi M. Clean Wall, Voiceless People: Exploring Socio-Identitarian Processes Through Street-Urban Art as Literature. 2014. The electronic version of print. publ. URL: <https://escholarship.org/uc/item/1j06h21z> (дата обращения: 30.04.2025).
16. Lachmann R. Graffiti as Career and Ideology // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94, no. 2. P. 229–250.
17. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
18. Ревзин Г. Как устроен город. М. : Strelka press, 2021. 262 с.
19. Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. М. : URSS, 2023. 504 с.
20. Чайдл Г. У истоков европейской цивилизации. М. : Изд-во иностр. литературы, 1952. 466 с.
21. Махмутова Д. О. История возникновения и развития граффити, популярные граффитчики и принятие граффити как одного из видов искусства в музеях // *Вестник науки*. 2023. Т. I, № 12 (69). С. 1100–1106.
22. Walter M. Verdis Opern und der Risorgimento // *Musicological Annual*. 2014. Vol. 50, no. 1. P. 5–38. DOI: 10.4312/mz.50.1.5-38
23. Кузовенкова Ю. А. Между искусством и вандализмом: дискурсивная представленность граффити и стрит-арта // *Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2021. № 4. С. 592–603.
24. Гладких Д. Instagram* дня: на Васильевском острове живут лошади с большими глазами // *Собака.ru* : [сайт]. 2020. 22 сент. URL: <https://www.sobaka.ru/lifestyle/technology/116178> (дата обращения: 04.05.2025).
25. Поносов И. Г. Искусство и город: граффити, уличное искусство, активизм. М. : Юпитер-Импэкс, 2021. 288 с.
26. Chaffee L. Political Protest and Street Art: Popular Tools for Democratization in Hispanic Countries (Contributions to the Study of Mass Media and Communications). Santa Barbara : Praeger, 1993. 208 p.
27. Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 167 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d260e55e06d1e6bc720d2e591a8383a43b1a5eed/ (дата обращения: 03.05.2025).
28. Chmielewska E. Framing Context: Graffiti and Place // *Space and Culture*. 2007. Vol. 10, no. 2. P. 145–169.
29. Lewisohn C. Street Art: The Graffiti Revolution. London : Tate, 2009. 160 p.
30. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
31. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М. : Нов. изд-во, 2011. 460 с.
32. Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Лугин Д. А. Креативные локальности мегаполиса: самоорганизация молодежи vs вовлечение в городское управление // *Primo aspectu*. 2023. № 4 (56). С. 9–13.

* На момент публикации доступ к ресурсу с российского IP-адреса невозможен.

** Социальная сеть «Инстаграм» принадлежит компании Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией.